

18+

ЕВГЕНИЙ МАЙОРОВ

**ЖИЗНЬ
ПРЕКРАСНА**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Евгений Майоров
Жизнь прекрасна

«Автор»

2026

Майоров Е.

Жизнь прекрасна / Е. Майоров — «Автор», 2026

Москва, 2049 год. Некогда опытный следователь – Дмитрий Говорухин уже два года работает в должности офисного бюрократа. Отошедший от серьёзных дел, он чувствует, что потерял сноровку. Вечером четверга ему звонит начальник и сообщает, что Диму отправляют в командировку на юг, вести некое «дело сектантов». Параллельно с этим, делом занимается опытный следователь из Краснодара – Лидия Казакова, которая была внедрена в секту в качестве сотрудника под прикрытием. Секта под названием «Освобождение» пропагандирует идею о том, что весь мир иллюзия, что все люди живут в матрице, из которой существует только лишь один единственный выход...

© Майоров Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Евгений Майоров

Жизнь прекрасна

Глава 1

Москва, 2049 год. 2 декабря

Я выхожу из отделения полиции за два часа до окончания рабочего дня и, тяжело вздохнув, смотрю на столичное небо, окутанное тёмно-серыми дождевыми тучами. Ветер поднялся нешуточный, бьёт мне в лицо с каждым порывом всё сильнее. Поправляю ворот плаща, пытаюсь частично укрыть шею и щёки от невидимого задиры. Закатив рукав плаща, смотрю на смарт-часы: сила ветра — восемнадцать метров в секунду. Ворот плаща трётся о щёки и бороду, я тут же вспоминаю, что пора бы уже побриться. Наступил декабрь, бреюсь я в конце каждого сезона, но в этот раз почему-то забыл. И ведь не придумать себе оправдания, работы было немного, дел тоже не особо, просто забыл, вот и всё. Баки с бородой достигли такой длины, что уже явно начали мешать. Вдалеке гремит гром — довольно редкое явление для декабря. С другой стороны, ничего удивительного: на смарт-часах — девять градусов. Для Москвы в декабре — это аномально тёплая погода. Тёплые воздушные массы с циклоном из южных регионов добрались до столицы. В этом году московский декабрь сам на себя не похож. Снова раздаётся гром, по звуку уже ближе. Подношу смарт-часы ко рту, чтобы задать вопрос:

— Через какое время пойдёт дождь? Ответить текстом.

На дисплее часов выводится сообщение, что относительно моего местоположения дождь пойдёт примерно через один час и десять минут, относительно моего места жительства дождь пойдёт примерно через один час и двадцать минут.

Это меня устраивает. Пешком до дома около сорока пяти минут. Должен успеть. Сегодня четверг. Работая в пятидневном графике, раньше я всегда ненавидел четверги. Кто бы что ни говорил, четверг — это самый сложный день для пятидневщиков. Многие говорят, что самый трудный день — это понедельник. Глупости, в понедельник ты и так понимаешь, что обречён идти на работу, у тебя в любом случае есть какая-никакая моральная готовность. Кто-то говорит, что самый трудный день — это среда. Я с этим в корне не согласен. Первые три дня обычно смиренно принимаешь неизбежное — необходимость идти на работу. Даже все эти ленивые удалёнщики всё равно понимают, что первые три дня особо не расслабишься: нужно вставать, вылезать из своих тёплых кроватей, идти к оборудованному дома рабочему месту и трудиться на благо корпораций, государства, частного бизнеса. И потом, кто придумал выражение, что среда — это маленькая пятница? Какой-то абсурд. А что же тогда, по такой логике, четверг? Снова, засучив рукав, подношу ко рту смарт-часы.

— Откуда пошло выражение, что среда — это маленькая пятница? Ответить текстом.

На дисплее выводится ответ на мой запрос, листаю указательным пальцем, чтобы прочитать всё до конца.

«Выражение "среда — это маленькая пятница" имеет свои корни в русской культуре и языке. Оно отражает восприятие среды как промежуточного дня между началом недели и выходными. В этом контексте среда символизирует приближение к пятнице, когда многие люди начинают ощущать предвкушение выходных и расслабление после трудовой недели. Фраза стала популярной в разговорной речи и используется для создания позитивного настроения, подчеркивая, что неделя уже на половину пройдена и впереди ждут выходные. Это выражение также может служить напоминанием о том, что следует продолжать работать, но с некоторым оптимизмом, так как конец недели уже близко».

— Бред какой-то. Я ничего не понял.

— Перейти в полноценный источник? — интересуется электронный помощник в смарт-часах.

— Нет, не нужно.

В любом случае, четверг — это самый трудный день. Логика простая: с понедельника по среду ты обречён работать, со смирением принимаешь тот факт, что до выходных ещё далеко. Первые три дня обычно у людей ещё есть энергия, а к четвергу она уже на минимуме, но и выходными при этом не пахнет. В пятницу же многие люди приободряются от осознания того, что уже вечером этого дня они будут пить, ходить по барам и клубам, с кем-то делить постель, а может, просто смогут посвятить себе вечер за просмотром сериала, не думая о том, что завтра на работу. Методом исключения получается, что четверг — это самый трудный день, когда все три дня смирения уже позади, а пятница ещё не наступила, но ты уже устал. Да уж... четверг — самый трудный день, но не для меня. Я сломал систему... наверное, громко сказано, но я настроил себя на мысль, что четверг — это вторая пятница. Просто я не берусь разгрести основную работу в четверг и в пятницу, а возвращаясь домой, выпиваю. Многие могут сказать, что большинство людей таким образом сломали систему, поскольку выпивают не только в четверг, пятницу и субботу, а в принципе, бухают каждый день после работы. И у меня есть что им ответить: да и хрен бы с ними, чёрт с ними... с этими алкашами.

Настроив свои мысли на отдых и лёгкое расслабление, которое мне предстоит в домашнем баре, я уже не воспринимаю сильный ветер, как нечто плохое и неприятное. Слегка прищурившись, продолжаю идти по направлению к дому. Достая из кармана беспроводные наушники, через голосовое управление выбираю музыку. Наконец, обращаю внимание на город, который давно превратился хоть и в красочные, но, с другой стороны, однообразные декорации моей размеренной жизни. Огромное широкополосное шоссе с тысячами автомобилей, небоскрёбы вперемешку с многоквартирными комплексами, раскиданные по городу через каждые полсотни метров, они же «человейники» с квартирами-студиями по пятнадцать квадратов. Город обвешан видеокамерами с умными датчиками и тянущимися к ним сотнями километров медных, электрических и оптоволоконных проводов через всю столицу, не только по фонарным и специализированным столбам вдоль дорог, но и под землёй, где уже не осталось места под строительство новых веток метро.

В небе лишь несколько дронов-доставщиков с утяжелителями, при таком ветре компании предпочитают пользоваться наземной доставкой. Вот и отлично, ненавижу дроны. Куча рекламы атакует со всех сторон: неоновые вывески, ситивизоры, билборды. Я уже давно научился фильтровать всё это дерьмо, как в онлайн, так и в офлайн, просто не обращаю на них внимания. Ни одной рекламой меня не заинтересовать, ни одной. И, наконец, толпы... тысячи серых и неприветливых людей, среди которых я предпочитаю затеряться вечером этого четверга по пути домой. С другой стороны, скоро час пик, и я понимаю, что при таком столпотворении мне нормально не прогуляться. Сворачиваю через переулок в один из неблагополучных кварталов, людей здесь уже значительно меньше. Серые общаги выстроены в ряд, ямы на дорогах заполнены дождевой водой — лужи через каждые полсотни метров приходится обходить, невольно пиная раскиданные бутылки и прочий мусор под ногами. Алкоголики у подъездов согреваются чем попало — пьют всё подряд, без разбора. Прохожу квартал и сворачиваю ещё раз. Вот и отлично, тут уже не тысячи человек, а едва наберётся и десять. Пройдя ещё немного, замечаю, что за мной увязалась собака, идёт и не отстаёт, держит дистанцию примерно в три метра, так уже минут пять. Косматая, в некоторых местах грязная овчарка в старом потёртом кожаном ошейнике. Не люблю собак, ещё в детстве в моём родном городе за мной также увязался грязный худющий сенбернар, прошли вместе так целый район, а когда я почесал того за ухом, пёс зарычал и тут же схватил меня за мизинец левой руки. Испугался я жутко, думал, что останусь без пальца. Паника завладела мною, и я несколько раз ударил пса по морде, совершенно не опасаясь, что это может разозлить собаку ещё больше. Но, к моему

счастью, он раскрыл пасть, я успел отдернуть руку. Мизинец был на месте, а вот кровь текла ручьём. Пёс тогда словно понял, будто бы сделал что-то нехорошее, и тут же развернулся и не спеша ушёл. Выйдя из шокового состояния, через несколько секунд я побежал домой к маме. Как итог: один большой шов и несколько укусов от бешенства. Остался шрам. Но мизинец я всё равно потерял, уже через много лет и при других обстоятельствах.

Овчарка сократила дистанцию и теперь уже идёт в метре от меня. Вынимаю наушники, кладу их в кейс для зарядки и убираю его в карман плаща, затем поворачиваюсь, пёс останавливается, жалобным взглядом смотрит на меня. Вижу, что это кобель. Бирка на ухе отсутствует, должно быть, не бездомный, а всё-таки потерялся или бросили. Не хочу, чтобы всю дорогу до дома он меня преследовал.

— Слышь, кобель, нет у меня для тебя ничего.

Пёс не сводит с меня взгляда.

— Еды нет, иди домой... или откуда ты там вылез.

Начинаю махать рукой, как бы пытаюсь прогнать овчарку. Пёс рычит в ответ на мои жесты. Только этого мне не хватало, вспоминая печальный опыт из детства, перестаю размахивать руками. Прохожие бросают на меня косые взгляды, чувствую себя нелепо.

— Ты чей-то или потерялся? Чего надо?

Разумеется, ответа никакого не получаю. На кой чёрт я вообще разговариваю с собакой? Разворачиваюсь и иду дальше, пёс не отстаёт. Нет, это уже не прогулка до дома, а какое-то издевательство. Своего автомобиля у меня нет, он мне просто не нужен, общественный транспорт я ненавижу, придётся всё-таки поехать на такси. Пройдя ещё немного, выхожу к дороге, и через смарт-часы вызываю такси. На выбор, как и обычно, два варианта: с водителем или беспилотный автомобиль. Конечно, я выбираю второй вариант, не имею никакого желания слушать трёп водителя, не хочу даже присутствия кого-либо рядом с собой. Я просто хочу спокойно добраться до дома. К счастью, автомобиль поблизости, и ждать его менее двух минут. Пёс сидит рядом со мной и тоже ждёт, словно мы с ним вместе поедem. Стараюсь на него не смотреть. Вдалеке снова раздаётся гром, но дождя всё ещё нет.

Наконец-то, спустя пару минут томительного ожидания в компании овчарки, машина подъезжает. Подтверждаю заказ через смарт-часы, дверь открывается, я сажусь в салон и уезжаю. Овчарка остаётся сидеть на остановке: косматый, немый и худой пёс провожает меня жалобным взглядом. Мне становится его жалко, непреодолимое чувство вины нагоняет мысли о том, что нужно было бы ему купить поесть. Стараюсь избавиться от подобных мыслей, понимая, сколько таких бездомных собак ходит по планете, да и не только собак, а и людей тоже. Всем не помочь, каждого не спасти. Успокаиваю себя подобными мыслями. Понимаю, что большую часть пути я прошёл пешком и ехать остаётся менее десяти минут, придётся немного постоять в пробке на ближайшем повороте. Тяжело вздыхаю, затем слушаю, что говорят по радио.

— Теперь о погоде. Несмотря на тёплый циклон, радоваться теплу остаётся недолго, уже в воскресенье синоптики прогнозируют резкое похолодание: до минус пяти градусов днём и до минус десяти ночью. Так что наслаждаемся последними тёплыми днями... в этом году уж точно. Кстати говоря, до Нового года уже меньше месяца. Вы задумывались о подарках для себя и своих близких? На носу две тысячи пятидесятый год — хороший повод порадовать себя, родственников или друзей в эту особенную дату! Вы когда-нибудь представляли, каким будет мир через двадцать или хотя бы через десять лет? Будущее приходит к нам вместе с технологиями от компании «Сверхлюди». Сверхлюди — это высокотехнологичные протезы и импланты для ваших органов и конечностей. С сегодняшнего дня в компании стартует новогодняя акция, скидки до сорока процентов на...

— Выключить радио, — не выдержав, команду я.

Голос диктора тут же замолкает. Неужели недостаточно того, что я и так оплатил проезд? Пичкают мозги рекламой просто везде, где только можно. Будущее наступило... ага, как же. Контора на рынке появилась пять лет назад, а возможность поставить себе современные протезы есть далеко не у всех; по таким-то ценам, не будь у меня руки, пришлось бы копить месяцев пять, не будь ноги — дольше полугода. Кредиты я не люблю, а банки просто ненавижу. Мне уже тридцать девять лет, хорошо, что с моим телом полный порядок, если не считать отсутствующий на левой руке мизинец и пару хронических заболеваний. Без мизинца жить можно, никакой механический палец мне не нужен.

— Подключиться к пассажиру, воспроизвести треки, начиная с сорокового.

Такси подключается к моим смарт-часам, в салоне звучит приятный эмбиент. Оставшиеся минуты я хочу добраться домой в спокойствии и без лишних раздражителей. А ведь действительно скоро наступит две тысячи пятидесятый. Могу ли я сказать что, будучи подростком, именно так представлял будущее? Не уверен, что смогу точно ответить на свой же вопрос. Сейчас мы имеем лишь глобальное развитие технологий, которые появились более двадцати лет назад. Ничего особо нового человечество за последние двадцать лет не изобрело. Для геймеров — VR-шлемы с костюмами обратной связи и датчиками для полного погружения. Для тех, кто не любит ходить по магазинам, предпочитая доставку, — дроны по небу доставят любую посылку до десяти килограммов прямо до окна. Для любителей побыть в одиночестве, когда находишься в дороге — беспилотное такси, как в моём случае. Нейросети эволюционировали до такого уровня, что давно уже снимают фильмы и сериалы, создают видеоигры, пишут полноценные романы, в точности копируют работы и стиль великих художников. Одним нейросети облегчили жизнь, других же лишили работы. В мире всё стало настолько искусственным, что настоящее ценится очень дорого. Книги, написанные живыми людьми, фильмы, снятые настоящими режиссёрами, картины и иллюстрации, написанные художниками без использования нейросетей, фиксируются специальным уникальным кодом, права на такие произведения стоят очень дорого, тем более если ты известная личность.

Андройды, гиноиды и прочие человекоподобные роботы хоть и выглядят всё ещё примитивно для нашего времени, но активно используются в квартирах, отелях и домах в качестве помощников по хозяйству и в роли секс-игрушек. А свой смартфон я не помню, когда последний раз брал в руки, вроде бы в понедельник, лежит дома на стенде с беспроводной зарядкой. Смарт-часы куда удобнее, полностью синхронизированы с умным домом и моим смартфоном, совместимы с большинством устройств. В облачных сервисах, к которым подключены часы, хранятся все мои документы и электронный паспорт. Если я потеряю часы, никто не сможет ими воспользоваться, сторонний пользователь просто не авторизуется в моей системе. Я отрицаю всё ненатуральное, что касается органов и протезирования, а также секс-роботов, но с удовольствием пользуюсь всеми остальными доступными мне устройствами — это просто и удобно, облегчает жизнь, разгружает меня от рутинных дел.

Такси подъезжает к дому, голос желает мне хорошего вечера и благодарит за поездку. Двери автоматически открываются, я выхожу из автомобиля. Полной грудью вдыхаю не позимнему тёплый воздух, порывы ветра теперь уже и вовсе меня не раздражают. Я в предвкушении спокойного тихого вечера в компании бутылки.

Передо мной тридцатипятиэтажный многоквартирный дом, я живу на двадцать первом этаже. Не обращая внимания на снующих туда-сюда прохожих, уверенно иду к входу, прикладываю смарт-часы к датчику на двери, датчик считывает мои паспортные данные, дверь открывается. Можно бы было настроить вход по лицу, но я не люблю им светить в каждую камеру, даже будучи полицейским. Внутри здания всё чисто и убрано, в холле трудятся роботы-пылесосы и горит мягкий свет. В этом здании четыре лифта: три пассажирских и один грузовой. Мне нет нужды тыкать на кнопку каждого из пассажирских лифтов. Тут всего одна сенсорная кнопка

на панели, я нажимаю её, система определяет, какой лифт находится ближе к нижнему этажу, тот за мной и спустится.

Домой я вхожу также, по электронному паспорту в смарт-часах. В прихожей тут же включается приглушённый свет, умный дом синхронизируется с моими часами, звучит приветствие.

— Добро пожаловать, Дмитрий, с возвращением. Желаете чего-нибудь?

Систему умного дома мне установили около трёх лет назад, когда я ещё работал в убойном отделе. Несмотря на сменный график, работы хватало, и я сильно уставал. Мне тогда установили все базовые настройки, я немного изменил формат общения системы с пользователем, но полностью под себя не переделал, не настроил сценарии. Сначала было некогда этим заниматься, потом я забывал, а потом... потом просто стало лень, хотя и делается это менее чем за полчаса, настроить можно всё путём голосового управления. Может быть, займусь наконец-то на новогодних праздниках, а то уже надоел этот искусственный голос. Система ждёт моих распоряжений, даю ей первые указания.

— Да, поднять жалюзи, активировать вечернее освещение в гостиной и на кухне, подключиться к пользователю, воспроизвести треки, начиная с того, который сейчас на паузе.

Система умного дома беспрекословно и незамедлительно выполняет мои распоряжения. Я разубаюсь, снимаю плащ и вешаю его в шкафчик в прихожей, прохожу в ванную, вымыв руки, направляюсь к домашнему бару. Моя берлога минималистична, здесь нет кучи мебели, мне это ни к чему. В спальне одна большая двуспальная кровать два на два метра, прикроватная тумба и телевизионная панель в половину стены. В гостиной один широкий стол, вокруг которого выставлено два дивана и два кресла. Но главное, что здесь есть — так это мой домашний бар: полутораметровая барная стойка из цельного массива сосны, два барных стула на высоких ножках, оба с мягкой обивкой и небольшими спинками. И, конечно же, три длинные полочки, на которых десятки бутылок с разным алкоголем: от водки и коньяков до джинов, текилы, ликёров и редких островных виски. Над полочками — телевизионная панель с голосовым управлением. Я даю команду голосовому помощнику включить подсветку в баре, и все полочки тут же загораются неоновым розовым цветом, а под барной стойкой включается голубая подсветка. Можно было бы, игнорируя свои традиции, начать с крепких напитков, водопровод с кухни проведён прямо до моего бара в гостиной, тут есть и раковина, и льдогенератор — всё для удобства, чтобы не бегать туда-сюда. Но я всё-таки не хочу нарушать священный обычай и направляюсь на кухню. Открыв холодильник, достаю бутылочку своего любимого холодненького пива «ІРА» от Красносельской пивоварни. Открыв бутылку, возвращаюсь в бар, сажусь за барную стойку и делаю первый глоток. Приятный горький вкус тут же обволакивает язык, ощущаю цветочные и цитрусовые нотки, не спешу делать второй глоток, наслаждаюсь моментом под лёгкий эмбиент. Встаю со стула и с бутылкой в руке иду по гостиной. Обращаю внимание на робот-пылесос, который, судя по всему, хозяйничал тут в моё отсутствие и сейчас самостоятельно подъехал к базе, чтобы зарядиться. Это не маленькая ерунда, которая была распространена много лет назад, такие роботы толком не убирали и быстро засорялись, они были пригодны разве что только для того, чтобы на них по дому катались коты или небольшие собачки. Сейчас у меня огромный, примерно метр на метр, робот-пылесос с функцией полмойки и двенадцатью режимами работы. Я приверженец мнения, что больше — значит мощнее, значит лучше. У брата в квартире трудятся два пылесоса куда меньших размеров, чем мой, не скажу, что они хорошо выполняют свою работу. Я нажимаю на сенсорную панель, датчики показывают, что всё в порядке: уровень заряда аккумуляторов уже равен тридцати процентам — заряжается быстро, а наполненность мешка для пыли не превышает двадцати процентов. Ну, вот и отлично, по программе ещё на выходных проедется по всей квартире, пока не так грязно. Делаю второй глоток и подхожу к окну, чтобы полюбоваться видом, а заодно посмотреть, как в моё отсутствие с работой справился робот-мойщик окон. Управляющая компания в последнее время работает спустя рукава, окна не мылись дольше месяца, а ведь это их обя-

занность. И за что я только плачу? Хорошо, что у меня есть свой маленький помощник для таких случаев. Ставлю бутылку с пивом на подоконник, даю команду умному дому открыть окна. Резкий ветер тут же врывается в квартиру. С обратной стороны окна снимаю небольшого механического работягу, проверяю уровень заряда — осталось менее двадцати процентов, тут же ставлю его на зарядку. Отлично потрудился, давно надо было окна помыть, я всё надеялся на управляющую компанию.

— Закрывать окна, — командую я.

С высоты двадцать первого этажа люблюсь видом. Вдалеке из труб завода валит дым, растворяясь в аномально-тёплом декабрьском воздухе. Ветер раскачивает тянущиеся по крышам провода. Сити-визоры и неоновые вывески с рекламой вдоль дорог и на стенах домов продолжают тщетные попытки заинтересовать меня. Вечер медленно ложится на город, темнеет, но суета не прекращается. Хорошо, что я сбежал с работы пораньше, сейчас час пик. Из-за сильного ветра дронов-доставщиков вообще не видно. В окнах высоток напротив меня загорается свет, вдоль дороги также включаются фонари. Я делаю очередной глоток и собираюсь отправиться в бар, но, повернувшись спиной к окну, слышу, что в него что-то врезалось. Дрон? Должно быть, его сбило, снесло ветром.

Снова даю команду открыть окно, выглядываю и вижу на козырьке под окном сизого голубя. Умер? Похоже на то, не шевелится. На окне не осталось следов — это хорошо, обидно было бы снова мыть, пусть даже и не мне лично. Но надо что-то сделать с трупом птицы, не хочется, чтобы он лежал тут и гнил на соседском козырьке, прямо у меня под окном. Иду в ванную за шваброй, всё-таки не всю уборку можно доверять роботам, иногда я мою полы сам в труднодоступных местах. В той же самой ванной, к примеру. Вернувшись к окну, понимаю, что дождь наконец-то пошёл, сильными порывами ветра капли заносит в квартиру, весь домашний уют сразу же пропадает. Нужно быстрее покончить с этой птицей и дальше пить пиво. Выглядываю из окна, козырёк соседей ниже, чем мне казалось раньше. Пытаюсь шваброй дотянуться до мёртвой птицы. Длина швабры около метра, но расстояние до голубя явно больше. Мне приходится высунуться из окна сильнее, я нагибаюсь, удлиняю швабру и вытягиваю руку, наконец-то достаю до голубя, толкаю его несколько раз, птица падает с козырька. Дождь не перестаёт поливать, я хочу скорее закрыть окно, вытереть голову полотенцем и продолжить пить пиво. Упираюсь шваброй о козырёк, чтобы оттолкнуться, но зараза соскальзывает и падает вниз, потеряв точку опоры, я опрокидываюсь, оказавшись по другую сторону окна, едва успев зацепиться рукой за подоконник с обратной стороны. Мои ноги касаются соседского козырька в том месте, где минутой ранее лежал мёртвый голубь. Дождь резкими порывами ветра хлещет меня со всех сторон, сердце бешено стучит, а ладони обеих рук начинают потеть. В этот момент я ни о чём не думаю, просто стараюсь как можно быстрее залезть обратно в квартиру. Выпрямляюсь и обеими руками хватаюсь за подоконник с обратной стороны, затем подтягиваюсь и залезаю в квартиру.

— Закрывать окно.

Насквозь мокрый, я беру с подоконника бутылку с пивом и несколькими жадными глотками выпиваю больше половины. Теперь можно подумать о том, что случилось. Но я даже не знаю, что и думать. Беру в руки смарт-часы, сажусь в кресло, смотрю в одну точку, находясь в ступоре, кручу часы в руках, пытаюсь размышлять. Это была бы крайне нелепая смерть, особенно если учитывать, что я выжил на войне, то умереть вот так, смахивая шваброй мёртвую птицу с козырька, абсурдно. Музыка, что играла фоном в моей квартире, прерывается. Часы внезапно вибрируют и перезагружаются. Что это с ними? Намочил — и что с того? Они водонепроницаемые, даже если на них попало несколько капель, ничего страшного с ними не случится. Через несколько секунд часы как ни в чём не бывало, загружаются, трек воспроизводится с того места, на котором прервался. Не нравится мне это, часы уже не новые, но новые я не хочу, я к этим привык, нужно будет отдать их на диагностику. До сих пор не могу прийти

в себя после случившегося, откладываю часы в сторону и встаю с кресла. Словно вкопанный стою в гостиной, капли продолжают капать с меня на ламинат, я допиваю оставшееся пиво и направляюсь в душ.

Не знаю, сколько я пробыл в душевой, но по ощущениям дольше обычного, всё пытаюсь понять, как так получилось, что я чуть не разбился. Кроме этого, размышлял, стоит ли мне идти на улицу за своей шваброй. Глупые мысли не покидали голову: то собака увязалась, то голубь об окно разбился. Не то, чтобы я верил в приметы, но мне стало интересно, как всё это трактуется. Решив не спускаться за шваброй, насухо вытираюсь и выхожу из ванной. Даю головному помощнику команду выключить музыку, затем беру с полочки бутылку своего любимого островного виски Kilchoman Machir Bay. Бутылке примерно полгода, а выпил я только половину. Островной виски предпочитаю пить, когда у меня особое настроение, как сегодня; не знаю, как описать его словами, это надо прочувствовать. Наливаю немного в рокс-бокал и щипцами опускаю маленький кубик льда на дно. Многие ценители виски меня осудят за то, что я кладу лёд в дорогущий напиток с острова Айла, но это не их собачье дело. Я предпочитаю пить так, чтобы напиток чуть-чуть обводнился, самую малость. Сажусь за барную стойку, поднеся бокал к носу, вдыхаю аромат, приятный мне запах, словно где-то поблизости развели костёр и лёгкие нотки дыма доходят до моего носа.

— Включить телевизор.

Над полочками с алкоголем загорается телевизионная панель. На экране появляется заставка новой Windows 20, затем приветствие и рабочий стол.

— Открыть чат-бот.

— Добрый вечер, Дмитрий, — здоровается со мной бот. — Чем я могу помочь вам сегодня?

Делаю глоток, выдержав паузу, собираюсь задать вопрос головному помощнику, но на смарт-часах, которые я оставил на барной стойке, раздаётся звонок. Как всегда, не вовремя. Командую перевести звонок на экран телевизионной панели.

— Ответить без видео.

На экране вижу два знакомых лица: светловолосый и короткостриженный мужчина примерно моего возраста и ребёнок без двух передних зубов. Оба сияют от радости, словно одному только что перевели на счёт большую сумму денег, а другому подарили мешок сладостей. Брат Максим и шестилетний племянник Мишка. Сейчас не самое подходящее время для разговоров, когда я чуть не расстался с жизнью из-за дохлого голубя и вот-вот хотел расслабиться, но всё же... я всё равно рад их видеть.

— Дим, а ты чего без видео? — интересуется Макс. — Ты не дома, что ли? Удобно говорить тебе, нет?

Я ничего не успеваю ответить, брат продолжает сыпать вопросами.

— Если неудобно, давай я потом перезвоню?

— Да успокойся ты, всё нормально, я из душа просто вышел.

— А-а-а, ну с лёгким паром!

— Спасибо. Как там у вас дела? Что нового?

— Да ничего особо нового, всё по-старому. У меня вот рабочий день закончился, решил тебе набрать. Оксанка ещё из офиса не доехала. Говорю ей, чтобы работала из дома, как я, удобно ведь. Так нет же, упирается, мол, в офисе ей проще сосредоточиться, и ничего не отвлекает от работы.

— Ответственный человек, что тут ещё скажешь.

— Да, это про неё.

— Смотрю, у Мишки-то молочные зубы посыпались.

— Ага, второй вот на днях выпал. Миха, скажи привет дяде Диме.

— Пливет.

— Привет-привет, малой! Как ты там, хорошо себя ведёшь?

— Да.

— Ну молодец. Подарок на Новый год у Деда Мороза попросил уже?

— Нет.

— А чего так, стесняешься деда?

— Дим, погоди, не гони коней, — встречает Макс. — Рано ещё у Деда Мороза подарки просить, второе декабря только. Миш, иди пока в телефоне поиграйся, я с дядей Димой переговорю.

Мишка уходит из кадра, брат снова обращается ко мне.

— Димыч, блин, давай про подарки не при Мишке, годовую премию получу, тогда Дед Мороз сможет заказы принимать. Ты сам-то там как, всё нормально?

— Да, всё путём.

— Повышения не дали?

— Нет, да и не нужно оно мне. Всё так же капитан, зато Лёха дал прекрасное место. Больше никакого убойного отдела, чисто документацией занимаюсь. Всё спокойно и размеренно. Минус только в том, что график не сменный.

— Да я помню, ты каждый раз на график жалуешься, но при этом доволен этим местом.

— А чего тогда спрашиваешь?

— Да я так, просто интересуюсь, думал, может, ты смены себе выбил наконец-то. Полгода не виделись, мало ли что там у тебя происходит, даже созваниваемся редко в последнее время. Ты же к нам нечасто заезжаешь, пусть и живём в разных концах города, но всё же...

— Если хочешь, приезжайте сами на чай.

— Нет, уже тебе пора бы к нам. Давно не виделись, да и созваниваемся не чаще раза в месяц.

— Да уж, нечасто.

— У тебя там девушка появилась или нет?

— Я бы предпочёл не отвечать на этот вопрос.

— Да ты что? Значит, появилась? Поздравляю, Дим, ну ты там береги её, зная твой характер... а приезжайте на Новый год вместе, если хочешь, конечно.

— Успокойся, никого у меня нет, что-то не хочется мне. Стар я для отношений.

— Прекращай выпендриваться, стар он. Тебе тридцать девять только.

— Ну и что? А тебе тридцать шесть, если мне память не изменяет, у тебя Мишка и Оксана, значит, семейный долг выполнен, ты продолжатель рода, а меня можно оставить в покое.

— Почему сразу так? Я просто спросил, не появилась ли девушка, думал порадоваться за тебя. Вечно ты всё пытаешься вывернуть.

— Что я пытаюсь вывернуть?

— Всё... да ладно, проехали. Я чего звоню, ты же не забыл, помнишь?

— Что я должен помнить?

— Тоже мне дядя, называется. Мишке двенадцатого декабря семь лет будет. Этот как раз воскресенье, так что приезжай, ждём.

— Блин, точно, прости.

— Не извиняйся, просто приезжай. Оксана ништяков наготовит.

— Твоя жена в последний раз не очень-то охотно со мной общалась.

— Она просто устаёт на работе, не бери в голову, приезжай!

— Получается, что в этом месяце снова два раза к вам ехать: на день рождения Мишки и на Новый год.

— Два раза — это для тебя так много?

— Ладно-ладно, я понял. Обещаю приехать. По поводу подарков чуть позже подумаю.

— Мы тебя не из-за подарков зовём.

— Да я понимаю, так, к слову пришлось.

— О, Оксана по второй линии, надо ответить. Ладно, Дим, ждём двенадцатого декабря в пять часов у нас, накануне ещё позвоню, бывай.

— Давай, пока.

Такой короткий разговор, а я уже устал. В последнее время я чувствую, что у меня совсем нет энергии. Мне не хочется работать, мне не хочется ни с кем общаться, мне не хочется ничего. Была бы возможность, я бы не выходил из квартиры неделями. Сейчас бы просто выпить пару бокальчиков и уснуть... дней на пять-шесть. Хроническая усталость со мной уже пару лет, примерно с того времени, как мне дали эту должность. И правду говорят, что чем меньше человек делает, тем он больше ленится, больше устаёт, больше отстраняется ото всех и всего. Но я всё равно был рад видеть и слышать брата с племянником. Двенадцатого декабря, значит, зайду к ним тогда, куда же я денусь... а что подарить? Не думаю, что найти подходящий подарок будет большой проблемой, займусь этим потом. Вспоминаю, что хотел узнать у голосового помощника. Не могу сказать, что я суеверный человек, но сегодня мне почему-то захотелось узнать приметы. Отхлебнув из бокала, задаю вопрос.

— Почему бездомная собака может увязаться за человеком? Поиск причины и приметы. Ответить текстом.

На экране телевизионной панели тут же появляется несколько вариантов ответов.

1) Если человек идёт по улице, а за ним увязалась абсолютно незнакомая собака, то это очень добрый знак. Тут дело в том, что животным дано видеть ауру человека. Если она позитивная, то притягивает к себе четвероногих друзей.

У меня-то позитивная аура?

2) Собаке спокойнее быть в стае. Пусть даже в стае с двуногим. В одиночестве собаке некомфортно, неуютно, боязно. И вот собаке подворачивается такой же одиноко бродящий человек — почему бы не создать стаю с ним? Тем более что у человека в городской среде есть явные преимущества, сила, привилегии.

Это больше похоже на правду, только я не могу согласиться с тем, что одинок, и что бродил по городу. У меня была вполне себе чёткая задача: прогуляться от работы до дома пешком.

3) Человек свободно пересекает границы «владений» множества собак, с ним можно проникнуть на чужую территорию. У собак весь город поделен на участки, и каждый участок принадлежит определенной собаке или группе собак. Но разведывательные проникновения на территорию чужаков случаются постоянно. Чтобы нарушить границы владения других собак, достаточно уверенно шагающего двуножного товарища. Многие собаки пытаются проникнуть на чужую территорию под прикрытием человека.

Вот же засранец хитрый, наверняка куда-то пройти хотел, прикрывшись мною.

4) В собаку вселился дух грешника, и она чувствует, что человек плохой и преследует его.

— Жуть какая-то.

— Вывести другие варианты ответов? — интересуется голосовой помощник.

— Нет, не надо. Покажи варианты ответов по следующему запросу: голубь врезался в окно и умер. Что это значит? Поиск примет.

1) Голубь — посланник из загробного мира. Если пернатый врезается в окно, это сулит проблемы со здоровьем, смерть родственника либо изменения в вашей жизни.

Уже после прочтения первой трактовки моё настроение падает. Делаю глоток виски и читаю дальше.

2) Голуби часто ассоциируются с доверием и общением. Смерть голубя может указывать на предательство или на то, что кто-то может подорвать ваше доверие. Это также может служить напоминанием о необходимости найти лучший баланс между работой и удовольствием, поскольку голуби символизируют удовольствие, страсть и веселье.

Это объяснение частично противоречит первому; похоже, мне вообще выдаются ответы из какого-то сонника.

3) Голубь ударился в окно — вести с того света. Пташка может являться душой усопшего, которая соскучилась, нуждается в общении. Нужно вспомнить родственников, которые уже умерли, помянуть их, сходить на кладбище.

Прах мамы давно развеян. Мне некого навещать. Жутко становится от всех этих трактовок. Уж лучше бы он нагадил на козырёк и улетел — такую примету я точно слышал, она к деньгам. К чёрту всё это, лучше бы я не читал. Не буду больше придавать значения всей этой ерунде, налью лучше ещё один бокальчик. Встаю с барного стула и направляюсь к заветной полочке, но звонок на смарт-часах меня останавливает. На дисплее высвечиваются два слова из записной книжки: «Лёха босс». Понимаю, что нужно ответить. Даю голосовую команду пере- вести звонок на смартфон. Беру телефон с док-станции и подношу к уху.

— Дмитрий Викторович Говорухин, опять с работы сбежали?

— Что за официоз?

— Почему в этот четверг вы снова ушли раньше окончания рабочего дня?

Он опять издевается надо мной, хотя сам всё прекрасно знает. Так и быть, подыграю.

— Простите, товарищ майор, явлюсь на ковёр!

— Уж будьте так добры явиться.

— Лёх, кончай уже издеваться, сам же знаешь.

— Опять бухаешь?

— Нет, культурно выпиваю в домашнем баре.

— Как там с годовыми отчётами, всё нормально движется, успеваешь?

— Успеваю, иначе бы не уходил по четвергам раньше, иначе бы...

— Брал работу на дом, да-да, уже сто раз слышал от тебя.

— Ну и зачем тогда заставляешь меня это повторять в сто первый раз? Мои ребята сегодня доделают, хотя учитывая который час, уже доделали работу за неделю, завтра всё пере- проверю за ними. Пятница — день проверок.

— Ну а в целом как дела? Уже недели две не общались.

Чёрт... когда он спрашивает нечто подобное, значит, ему что-то от меня надо. Что же на этот раз? Мой отдел допустил ошибки в каком-то из отчётов? Или он хочет дополнительную работу навесить под конец года?

— Лёх, что случилось?

— Ничего не случилось, просто интересуюсь.

— Нет, просто так ты в последнее время не интересуешься, значит, от меня нужно что- то по работе.

— Зараза ты, уже почти пару лет, как от дел отошёл, в бюрократы заделался, а в душе сидит всё тот же самый следак из убойного, что и раньше, который всё чувствует.

— Просто ты очень легко читаешься... в последнее время. Так что рассказывай, чем обязан?

— Ладно, Дим, тогда сразу к делу. Задание есть для тебя, это больше просьба, чем приказ. Ты только выслушай до конца, не перебивай, пока я не договорю.

— Хорошо, слушаю.

— Операция идёт, называется «дело сектантов». По тем материалам, которыми мы располагаем, они уже лет десять обработкой людей занимаются. В каждом из городов задерживаются примерно на три года, затем меняют город. В самих городах регулярно меняют дислокации своих сборищ. Сначала был Екатеринбург, потом Санкт-Петербург. Обработывают людям мозги своим учением, так те потом кончают с собой, иногда массово, иногда поодиночке. Объединяет всех то, что они оставляют после себя схожие послания, либо на месте самоубийства, либо в социальных сетях. От нас нужен человек в командировку.

Мне уже не нравится этот разговор. Какая, к чёрту, командировка? Неужели он сейчас на меня намекает? Решаю пока не спрашивать об этом, сперва спрошу о том, что известно.

— Что ещё за послания?

— Сообщения на бумажках, посты в социальных сетях или надписи на стенах со словами «я вышел» или «я свободен» — что-то в этом духе.

— Ну, так это к следакам, а я уже давно как офисный бюрократ.

— Дим, бывших следаков не бывает. Я прекрасно помню, как ты работал, какая раскрываемость была.

— Тогда, вероятно, помнишь, как я уставал. Я у тебя эту должность просил не для того, чтобы вернуться обратно в следователи.

— Я понимаю, но нужен проверенный человек с нашей стороны. Как раз, который займётся отчётами и бумажками по делу. У ребят уже всё схвачено, есть сотрудник, который внедрился в секту под прикрытием. Дело уже несколько месяцев ведут, до конца года всё должно закончиться.

Ну понятно, решил повесить всё это дерьмо на меня. Нужно быстро придумать какой-нибудь весомый предлог, чтобы отказать. И тут я понимаю, что такой предлог есть и выдумывать ничего не нужно.

— У моего племянника двенадцатого декабря день рождения. Я обещал ему и брату, что приду, а ты перед Новым годом просишь меня снова поработать следователем.

— Вот именно, что прошу, а не приказываю. И не следователем, а, если тебе угодно, бюрократом, я же сказал, что есть целая команда, которая ведёт дело, и внедрённый сотрудник под прикрытием.

— И что я скажу племяннику?

— Мишке-то? Да, скорее всего, там за десять дней всё уже закончится, ничего не нужно говорить, до двенадцатого успеешь, наверное.

— Бля, ну почему именно сейчас? Да и вообще, кому какое дело до суицидников? Каждую секунду на земле кто-то сводит счёты с жизнью, и что дальше?

— Дим, дело серьёзное. Если бы всё было так, как ты говоришь, я бы не стал тебя просить. Около года назад в эту секту попал родной брат губернатора, переписал на них всё своё имущество, и коллективно вместе с другими десятью людьми, спрыгнул с крыши многоэтажки. Вся крыша была этими посланиями исписана.

— Богатеи, значит? Богатых не жалко, пусть дохнут, тем более всякие там родственники чинуш.

— Да в том-то и дело, что среди суицидников, как в Питере, так и в Екатеринбурге, были и богатые, и бедные, люди разных слоёв общества и разных социальных групп.

— Тогда я вообще не понимаю. Что-то не сходится, ты говоришь, что они уже лет десять своими делами промышляют. Почему их до сих пор не посадили? Губернатор не может разобратся своими методами с какими-то там сектантами? И почему ты не называешь третий город? Ты же вначале сказал, что в каждом из городов они задерживаются на три года, и это длится уже десять лет, так какой третий город ещё? Или городов уже не три, а четыре?

— Я хотел тебе скинуть всё на почту, но понимаю, справедливым будет ответить на основные вопросы.

— Погоди, какая почта? Я ещё ни на что не подписывался.

— Помолчи наконец-то и послушай. Не закрыли их только потому, что заинтересовались ими совсем недавно: после самоубийства брата губернатора, как я уже говорил. У них есть лидер, они его «наставником» называют. Так вот об этом хрене ничего неизвестно, они периодически меняют локации, а этот наставник общается с ними через интернет по конференц-связи, лицо неизвестно, как и личность. Задача состоит в том, чтобы найти и поймать этого хера, понимаешь?

— И ты хочешь, чтобы я его искал? И где же?

— Тебе не придётся. Тебе лишь только надзирателем чуток побыть и всё. Мне сверху звонили, разговор был долгий, нужен человек из Москвы, который за всеми проследит, чтобы не расслаблялись. Операция уже близка к завершению.

— А кто звонил-то?

— Степанов.

Услышав фамилию, впадаю в лёгкий ступор.

— Ни хрена себе, сам полкан?

— Да, он самый. Так что в скором времени ребята завершают операцию, находят и вяжут этого наставника вместе с его шоблой, ты погружаешься в дело, следишь за ходом выполнения и делаешь отчёты. Кладёшь отчёты мне на стол, а я, в свою очередь, передаю их лично Степанову. Мне — подполковника, тебе — майора. Такой расклад дел тебя устраивает?

— Ну ничего себе, как ты разогнался! Так, погоди, а с чего такой аттракцион неслыханной щедрости? Степанов от губера тоже что-то получит?

— Дим, глупых вопросов не задавай, получит куда больше, чем мы с тобой вместе взятые. У губера тут связи нехилые, подвязки в Москве хорошие, он не только у себя в регионе рулит.

— Так что за губер-то? Какой регион?

— Губера зовут Савин Евгений Николаевич. Первый человек в Краснодарском крае. Командировка предстоит в Сочи.

— Да ты, блять, издеваешься?! Чего тянул?! Не мог сразу сказать?

— Потому что я знал, что ты именно так и отреагируешь.

— У них что там, своих людей не хватает?!

— Во-первых, да — не хватает. Это же Сочи. Во-вторых, внедрённый сотрудник тоже не местный, из Краснодара, нельзя чтобы в операции светились местные. В-третьих, для отчётов и в качестве надзирателя нужен человек из Москвы, я устал тебе это повторять.

— И чего ты тогда сам не полетишь?

— Я не могу, год кончается, и так работы хватает. Но Степанов чётко дал понять: мы ему бумажки, электронную документацию и красиво оформленные отчёты по делу, он нам повышение.

— Мне и капитаном быть неплохо, и работа устраивает.

— Дим, кончай уже. Станешь майором, должность тебе оставим, будешь делать, что и раньше, только денег за звание больше получать.

— Я не был в Сочи уже... хрен знает сколько. Ты сам прекрасно знаешь, что я не люблю этот город — гнездо для бздыхов.

— Дим, ну нельзя так о родном городе.

— Ещё как можно.

— Дим, я ведь могу и приказать.

— Не можешь. Я больше не следователь.

— Могу, но не хочу. Ладно, говори, чего ты хочешь?

— Я вообще не хочу лететь в Сочи и заниматься этим делом!

— Но придётся, так что говори.

— Может, лучше пусть Бубновский полетит? Ему же нравится на юге, в отпуск постоянно гоняет на море.

— Бубновский слишком туп для такого дела. На него нельзя положиться, в последнее время безответственно себя ведёт. К тому же фамилия у него...

— Ха-ха-ха, дебилная, да, я знаю.

— Ну вот видишь, в этом мы с тобой солидарны.

Не кнутом, так пряником. Похоже, что Лёха решил меня дожать. С другой стороны, в таком случае можно обнаглеть и выторговать для себя больше бонусов. Ну что же, тогда поторгуюсь.

— Чёрт с тобой, если это ненадолго, если мне майора, а тебе подполковника. Тогда хочу так: звание новое, а должность старая и зарплату побольше.

— Я тебе уже говорил, что с этим никаких проблем, сделаем.

— Хочу в отпуск сразу же после новогодних праздников, я почти год не отдыхал. Сразу на месяц хочу, а не на две недели.

— Будет кем подмениться на целый месяц-то?

— Не переживай, найду.

— Хорошо, договорились.

— И хочу сменный график работы вместо пятидневного, как раньше был.

— Дим, раньше ты следаком был, у тебя были и смены, и ненормированные дни, а теперь ты бюрократ — это только пятидневка.

— Тогда посылай Бубновского.

— Мудак ты. Ладно, насчёт графика давай так: я не обещаю, но постараюсь. Что-нибудь придумаем.

— Ловлю на слове.

— Ну, тогда договорились, все материалы по делу высылаю тебе на почту. Самолёт завтра, билеты тоже сейчас скину. Полистай до вылета, в подробности тебя посвятят уже в Сочи.

— Во сколько вылет-то?

— Я не помню, сам посмотришь. Вроде на вторую половину дня взяли, в Сочи будешь вечером, так что и материалы успеешь полистать, и выспаться перед вылетом. Всё сделают за тебя, от тебя только побыть надзирателем и идеальный отчёт. Ничего сложного, бывай, если что, я всегда на связи.

— Погоди!

— Ну чего ещё?

— Я понимаю, что это всё будет у меня на почте, но что за внедрённый сотрудник? И кто там у них главный сейчас?

— За главного — Волков Руслан Львович. На почте все его контакты будут, прилетишь, сразу ему набирай. А внедрённый сотрудник из Краснодара — следователь, зовут Лидия Казакова, имя под прикрытием — Александра Дорофеева.

— Женщина?!

— Да, женщина. В свои тридцать три — лучший следователь Краснодара. Личные данные полностью стёрты из всех баз МВД, следы любой социальной активности в сети также удалены, до конца операции она Александра Дорофеева — дизайнер в частной фирме, одинокая женщина тридцати трёх лет. Из настоящего — это только её возраст и семейное положение.

— Ой, да наплевать на её семейное положение. Просто как они могли поставить под прикрытие женщину, да ещё и молодую, должно быть, неопытную?

— Дима, я же сказал — это лучший следак Краснодара.

— Сам не понимаю, зачем только я на всё это подписываюсь?

— Я тебе отвечу: ты мой друг. Друзья должны друг другу помогать, как в личной жизни, так и по работе.

— Любишь ты вспоминать про дружбу, когда это тебе удобно.

— Дим, ты сейчас херню городишь.

— Нет, ну, правда же, когда мы с тобой последний раз виделись? Когда в последний раз выпивали? Когда в последний раз обсуждали что-то кроме работы?

— Вроде бы...

— Я напому: в сентябре в баре. Уже декабрь наступил.

— Хорошо, всё, я признаю, тут ты прав. Вернёшься из командировки, сдадим все отчёты, и я представляюсь, а потом ещё раз после повышения, добро?

— Ладно уж... скидывай файлы на почту.

— Уже всё отправил.

— Добро, завтра почитаю, ознакомлюсь.

— Всё, Дим, спасибо. Рассчитываю на тебя. Удачи.

— Давай, пока.

Звонок завершён, я остаюсь стоять посреди гостиной, уставившись в стену. Зачем мне всё это? Я же мог ему отказать. И чисто технически он бы меня не заставил, но всё-таки... он мой друг, единственный и настоящий. Начальник и одновременно друг, подумать только. И ведь если размышлять в этом направлении, то все, с кем я общаюсь в последнее время, — это коллеги по работе, Лёха и Макс с Мишкой. Проституток я не считаю — это так, мимолётное увлечение для снятия напряжения и стресса, за неимением отношений, точнее, за нежеланием тратить время и нервы на отношения с кем-либо. Расслабился я на этой должности, пора размяться, вспомнить, как работал раньше. Вновь направляюсь к барным полочкам, беру бутылку Kilchoman и понимаю, что этим вечером я допью её всю. Четверг — это самый трудный день. А что касается вечера — это будет вечер воспоминаний, виски мне в помощь. Лёха, конечно, гад, но я обязан ему... жизнью.

Глава 2

Судьбоносное и одновременно глупое решение я принял для себя в апреле две тысячи двадцать девятого года, когда мне было двадцать лет. Я учился на третьем курсе, впереди оставалось два года, после которых, как с конвейера, из института должен был выйти дипломированный IT-специалист без какого-либо опыта. Я, брат и мама жили втроём в двухкомнатной квартире и еле сводили концы с концами. Мама жила в отдельной комнате, мы же с Максом делили одну комнату на двоих. Брат учился в одиннадцатом классе, он был ещё молод и разбирался во многих вещах хуже меня. Я, будучи студентом, уже успел прочувствовать на себе, как тяжело достаются деньги, как быстро они обесцениваются при той инфляции, которую разогнала война. Зарплата мамы едва ли превышала шестьдесят тысяч рублей, что для бухгалтера в Сочи даже считалось не так уж и плохо. Я работал по скользящему графику на складе одного из маркетплейсов, совмещал работу с институтом, часто выходил на смены по ночам, за них платили больше. Получалось в районе сорока-пятидесяти тысяч. Ещё от десяти до пятнадцати тысяч зарабатывал Макс, на подработках то промоутером, то уборщиком. В целом на семью из трёх человек получалось больше ста тысяч рублей, но инфляция съедала деньги быстрее, чем мы успевали их зарабатывать.

Дальним родственникам из Иркутска не было до нас никакого дела, как и нам до них, в те тяжёлые времена каждый выживал, как мог, и заботился только о самых близких. О нас же могли позаботиться только мы сами, мы втроём. Классическая неполная семья без отца, который давно ушёл, не платил алименты, вероятно, к тому времени где-то уже спился и умер, либо пошёл на фронт, как сотни тысяч других. Служба по призыву, а вместе с ней и война, могла коснуться Макса, если бы он провалил вступительные экзамены. Если бы на горизонте не было слышно о переговорах, то и я бы угодил под призыв спустя пару лет после окончания института, а дальше, вне всяких сомнений, место в окопе мне было бы обеспечено.

Но, понимая, как мы жили, я всё чаще задумывался о том, чтобы самому подписать контракт с министерством обороны, но отнюдь не ради идеи. Когда война идёт столько лет, то многие уже начинают понимать, что нет никакой идеи. Это война ради войны, а для многих — ради денег. Если бы одна из сторон конфликта хотела закончить войну, то просто устранила бы политическую верхушку своего врага любым доступным способом. Культ денег царил в нашем обществе. Люди охотно меняли свои жизни и жизни родственников на деньги от государства за подписание контракта. Война с большим аппетитом прожёвывала, глотала и переваривала сотни тысяч человеческих жизней, выплёвывая взамен цифры с шестью нулями на банковские карты. Я бы не совершил тот идиотский поступок, если бы не считал себя умнее других. Как же я глуп был на самом деле, думая, что являюсь самым хитрым, самым сообразительным, бросил институт в надежде на то, что война вот-вот закончится, а я успею срубить лёгких денег. Ведь между сторонами конфликта шёл уже девятый раунд переговоров. Удары по энергетике, по объектам вне линии соприкосновения и бои в море были остановлены ещё два месяца назад. Но пока окончательное перемирие не было достигнуто, война на земле и в небе продолжалась. И мама и Макс отговаривали меня от этой глупой затеи. Но я считал, что мир уже скоро, и я могу не успеть, нужно срочно запрыгивать в уходящий поезд навстречу смерти, чтобы срубить лёгких денег. Я не понимал, что такое война, я видел кучу жутких документальных видео в интернете, но за столько лет все уже привыкли к подобным кадрам. Я думал, что это мой шанс, что до полного перемирия несколько недель, максимум месяц, что я пройду обучение на полигоне в военной части, а когда придёт время отправляться на фронт, то и мир уже наступит, и на моей банковской карте будет несколько миллионов. Я думал, что помогу Максиму устроиться в хороший институт, думал, что маме будет легче благодаря сыну с кругленькой суммой. Но, воспитав нас самостоятельно, мать сильно переживала за обоих. У неё было слабое сердце, она

не то что плакала, она рыдала, когда я садился в автобус министерства обороны. Я прекрасно помню тот день, помню и глаза Макса, к которым также подступали слёзы, когда я смотрел на него и на маму сквозь стекло уезжающего автобуса. Девушки в то время у меня не было, так что хотя бы с этим повезло — меньше провожающих глаз, меньше слёз.

За счёт того, что я был молод, неплохо разбирался в технике и успел три года отучиться по IT-специальности, меня определили в войска беспилотного летательного типа. Проще говоря, из меня готовили оператора дронов. Беспилотников на войне было с избытком: радиоуправляемые, на оптоволокне, дроны-камикадзе, дроны-носители других беспилотников, ударные БПЛА, и многие другие. При желании можно было смело насчитать четыре десятка разновидностей этих птичек. Но основы всегда было три: вертолётного типа, самолётного — с неподвижным крылом, и гибридного — с винтами и крыльями. Полигон, на котором нас обучали, находился в приграничной зоне, и уже спустя две недели тренировок в управлении дронами, нас определили в часть и отправили на фронт. Я прекрасно помню, что спустя годы после окончания войны, когда беспилотные летательные аппараты наконец-то разрешили использовать для гражданских нужд, я ещё долгое время боялся, видя нечто подобное в воздухе. Посттравматический синдром заработать можно быстро, буквально за несколько недель. Жизнь на войне у многих как раз измерялась неделями или месяцами.

Был конец апреля, дожди закончились, но распутица оставила свои следы на дорогах, в окопах и в блиндажах мы месили грязь. До линии соприкосновения было более пяти километров, артиллерию противника зачистила наша авиация, но вот пехоты и миномётчиков в фортификационных сооружениях хватало. Авиация против пехоты — это не панацея, тем более что противник стал стягивать ПВО ближе к линии соприкосновения, за неделю было потеряно два самолёта и один вертолёт. Наши войска уже битый месяц пытались захватить очередное село, но результаты оставляли желать лучшего. Чтобы исправить ситуацию на этом направлении, на подмогу пришли мы — операторы дронов. Мы прятались то в блиндажах, то в лесопосадках, и вели оттуда разведку, а иногда совершали и боевые вылеты, управляя своими небольшими птичками, сеющими смерть.

Мы не сталкивались с противником лоб в лоб, видя солдат через камеры дронов-камикадзе, всё это было больше похоже на компьютерную игру. В нашем лагере насчитывалось порядка двух сотен человек, и только пять операторов беспилотных летательных аппаратов, включая меня. На той войне я и познакомился с Алексеем Савченко. Даже москвичей война заманивала деньгами, хотя в сравнении с регионами столичным контрактникам платили значительно больше. Наша разница в возрасте составляла всего шесть лет, но Лёха был куда более опытным, чем все остальные операторы дронов. К моменту нашего знакомства он воевал уже полгода, что считалось большим сроком. Будь он каким-нибудь штурмовиком, то прожил бы несколько недель, будь он артиллеристом, то несколько месяцев, поскольку артиллерия является приоритетной целью в контрбатарейной борьбе. Но Лёха был хитёр, целенаправленно пойдя в операторы БПЛА. До войны он уже успел поработать несколько лет в полиции и обзавестись связями, благодаря которым и стал оператором дронов. Часть ежемесячной зарплаты он переводил тем, кто помог ему не попасть в штурмовики. Мне же просто повезло оказаться именно в этих войсках, а не в каких-то других, здесь выживаемость была выше. Я смекнул, чтобы выжить и не совершать ошибок, нужно делать всё, как говорит Алексей. Не знаю почему, но в нём чувствовалась какая-то уверенность и при этом не было самодурства, которое являлось неотъемлемой частью характера нашего командира.

Телефонами в лагере пользоваться запрещали, слишком близко к линии соприкосновения, интернет тоже был под запретом. Со штабом мы общались через радиосвязь по защищённым каналам. Письма домой можно было отправлять раз в неделю. В одном из блиндажей было установлено два ноутбука и принтер, всё работало от дизель-генератора. На этих самых ноутбуках мы и печатали письма родным. Очередь, чтобы написать письмо, нужно было зани-

мать за несколько дней. Затем ещё пару дней, пока письмо дойдёт до адресата, и около пяти-шести дней на то, чтобы посыльный доставил солдатам ответ в виде таких же писем. Подобным образом одна переписка с родственниками растягивалась на недели. Если бы у нас не забрали телефоны, всё было бы куда проще. За время моего нахождения в лагере я успел получить от мамы и Макса только одно письмо.

Новости с гражданки были неутешительными. Каждая из сторон затягивала переговоры, пытаясь выторговать для себя более выгодные условия. Таким образом, было непонятно, сколько ещё? Сколько нам остаётся? Недели или месяцы? Каждый, кто надеялся на скорейшее перемирие, был разочарован подобными новостями. Уже никто не был уверен, что наступит скорее: мир или наша смерть? После таких новостей я понял, что война — это когда живёшь одним днём, понимая, что завтра может не наступить, когда хоронишь все свои надежды на лучшее.

Прошло почти три недели с того момента, как я попал на фронт. Был четверг — самый трудный день, который впоследствии с Алексеем мы назвали кровавым днём. Все пятеро операторов дронов в сопровождении трёх мотострелков отправились на очередное боевое задание. В полукилометре от нашего лагеря мы укрылись в одной из лесопосадок. Идти снова пришлось пешком, перебежками от укрытия к укрытию. Технику использовать опасно — это лёгкая мишень для вражеских дронов. Наш отряд добрался до лесопосадки в целостности и сохранности около пяти часов утра. Задача состояла в том, чтобы на высоте пары сотен метров облететь позиции противника, выявить миномётные точки и атаковать их дронами-камикадзе. В нашем распоряжении находилось три дрона-разведчика и шесть боевых беспилотников. Но лишь только мы прибыли на позицию, даже не успев разгрузиться, услышали звуки обстрелов, обернувшись, увидели яркие вспышки со стороны лагеря. Попытки связаться с командованием по радиосвязи были безуспешными. Лёха, как самый опытный из нас, принял решение отменить операцию и возвращаться.

Путь назад не занял много времени. Когда мы вернулись, утро кровавого четверга уже наступило в нашем лагере. Было разрушено всё. Пожар охватил лагерь, земля была усеяна кратерами, окопы и блиндажи раскурочены так, словно какой-то великан расковырял их огромной палкой. В некоторых местах продолжали взрываться ящики со снарядами и патронами. Но самое жуткое — это сотни трупов по всему лагерю: мёртвые тела с оторванными конечностями вперемешку с грязью и кровью, человеческие внутренности, разбросанные по лагерю. Когда я видел такие же кадры в интернете, то могу сказать, что со временем привык к ним, а потом и вовсе перестал смотреть подобное, но когда то же самое увидел сам лично — вживую, страх и паника связали меня по ногам и рукам, я стоял как вкопанный. Из всех, кто там находился, выжило человек десять-пятнадцать, да и то, половина с ранениями. Повезло, что среди них оказался один медик.

Всё, что было дальше, я помню уже не так чётко, только урывками, словно это какое-то кино с бесконечными стоп-кадрами. Мы направились к одному из блиндажей, в котором находился склад с медикаментами. Первоочередная задача состояла в том, чтобы помочь раненым. Добравшись до точки, мы увидели, что всё завалено, под обломками лежал командир. Его контузило, но гад всё-таки выжил без серьёзных ранений. Мы достали его из-под завалов, облокотили о стену окопа, дали попить воды из фляги. Мы не знали, что нам делать в такой ситуации. Даже Лёха молчал. Все ждали, когда командир придёт в себя, пока наш лагерь догорал. Я не помню, сколько времени прошло, может, минут двадцать, может, полчаса, он всё-таки заговорил, попытавшись объяснить нам что произошло. Когда тот общался со штабом по защищённому каналу, выяснилось, что этот самый канал не такой уж и защищённый и уже несколько дней прослушивался, о чём ему и доложили из штаба, дав команду сворачивать лагерь и менять позиции, но было поздно. По его предположению, наш лагерь накрыло из высокоомобильного артиллерийского комплекса типа Nimars. Вся артиллерия вблизи линий соприкосновения была

разбита, а те комплексы имели гораздо большую дальность и могли отработать по нам из глубокого тыла. Но это было уже неважно, мы ждали распоряжения. Что делать дальше? В голову приходила лишь одна здравая мысль: помочь раненым и отступить, эвакуироваться как можно скорее. Два десятка человек, половина из которых теперь были калеками, посреди охваченного огнём лагеря просто бесполезны. Лучшим решением было отойти в тыл, залезть на деревья, после чего примкнуть к новому подразделению уже на других позициях или даже на другом направлении. Но командир решил всё иначе.

Когда он полностью отошёл и мог твёрдо стоять на ногах, то достал из кармана уцелевший смартфон, заставив раненых перевести их фронтовые деньги на свой счёт. Учитывая то, что противник знает наши позиции, теперь уже пользоваться телефонами было можно. Командир рассуждал, наставляя пистолет на тех, кто не хотел переводить ему деньги. Кто-то пытался соврать, что не помнил пароль от входа в личный кабинет банковского приложения, кто-то говорил, что денег у него не было, но командир дожимал всех.

Подобное было возможно проверить через приложение даже с чужой SIM-картой. Дело в том, что все счета, на которые нам начисляли фронтовые выплаты, хранились в государственном банке. Обязательным условием было использование биометрии. Пользователь вводил логин и пароль для входа в личный кабинет банковского приложения, затем приложение через камеру в смартфоне считывало биометрию по лицу или отдельно по глазам. В подобном случае, для подтверждения операций по банковскому счёту было достаточно вводить кодовое слово, временные пароли из SMS-сообщений не требовались. Когда раненные перекинули на его карту свои фронтовые выплаты, то эта сволочь просто их пристрелила. Он тогда сказал нам, что с такими ранениями они лишь балласт, до тылов мы их не донесём, а в штурме они участвовать не смогут. Он сказал, что раненные должны были бы благодарить его за то, что он избавил их от мук. Все его боялись и молчали. Никто не посмел сказать что-либо против решения командира. На этом мы думали, что всё закончится, как же мы ошибались...

Командир приказал нам идти в штурм, чтобы отомстить противнику, а перед этим также потребовал перевести ему наши деньги. Нас оставалось меньше половины взвода. Что мы могли сделать против укрепленных позиций противника, имея лишь автоматы и гранаты? Он говорил, что каждый, кто откажется выполнять приказ, будет считаться дезертиром и подлежать немедленному расстрелу. С его слов, в штурме был небольшой шанс выжить, так что это было меньшее из двух зол. «Мы сейчас умрём», — думал я. Сейчас всё закончится. Что мы могли сделать в такой ситуации? Очевидным казалось решение сказать «нет». Но тогда он нас расстреляет... но ведь у нас же тоже есть оружие, что если? А что потом? Вдруг военная полиция всё узнает? Каковы будут последствия? Много вопросов один за другим крутились в моей голове. Очередь дошла до меня, командир протянул телефон. С дрожью в голосе я сказал, что отказываюсь переводить ему свои деньги, тогда тот наставил на меня пистолет. Я решил, пусть уж лучше так, пускай меня застрелит этот гад, чем я добровольно, по своей глупости пойду на смерть. Я закрыл глаза, готовясь принять неизбежный и закономерный финал своего решения пойти на фронт. Но в следующий момент командир сделал захват и повалил меня в грязь, затем вынул из чехла острый нож с зубринами на верхней части лезвия и за считанные секунды отрезал мне мизинец. Я даже не успел понять, что тогда произошло. И лишь через несколько секунд начал орать. Командир сказал, что это мой последний шанс одуматься, пока очередь снова не дойдёт до меня. Он кричал, что без мизинца воевать можно, и приказал выжившему медику обработать и перебинтовать то самое место, где ещё минутой ранее был мой палец. Медик не посмел возразить и тут же принялся оказывать мне первую помощь. Когда очередь дошла до Лёхи, командир, как ни в чём не бывало, протянул ему свой смартфон. Лёха даже не стал брать его в руки, он просто расстрелял командира в упор. Все смотрели на него, как на героя, смотрели и молчали, не веря своим глазам. Во взгляде выживших словно читались слова «спасибо». Хотя при этом каждый из нас был вооружён, каждый мог это сделать, но

все боялись, боялись настолько, что были готовы пойти на укрепленные позиции противника с одними лишь автоматами. Этот страх, эта человеческая глупость одержала верх над всеми, кроме Лёхи. Я потом думал, почему он не сделал этого раньше, почему ждал, пока очередь дойдёт до него, неужто тоже надеялся на других? Я так и не решился спросить, ни тогда, ни много лет спустя. Мы все оказались трусами, готовыми умереть, выполняя абсурдный приказ командира, все, кроме него, не было у нас права задавать подобные вопросы.

Один из выживших одобрительно похлопал Алексея по плечу, медик пожал руку нашему спасителю. Лишь только все начали приходить в себя, как услышали жужжащий звук. Вражеский дрон повис в воздухе, мы бросились врассыпную, когда снаряд уже был сброшен. Я успел отбежать на несколько метров и укрыться за обломками. Выглянул из укрытия лишь через время, когда услышал звуки автоматной очереди. Один из бойцов смог подбить дрон. Мы потеряли ещё трёх человек, и двое были ранены. Лёха уцелел, он принял командование на себя. Тогда я ещё не сразу понял, что, убив дракона, он сам начал превращаться в этого самого дракона, расстреляв раненых под тем же самым предлогом, что и наш командир. Никто ничего не возразил, боевой дух был на нуле, мы полностью разгромлены, от всего лагеря в живых меньше десяти человек. Алексей принял решение уходить в тыл, но по пути попробовать переждать несколько дней в лесу. Всё же все выжившие опасались последствий, боялись военной полиции, если те узнают, что один из нас расстрелял командира, а все остальные просто на него смотрели и были этому даже рады.

Я точно помню, что шли мы около часа, потому что у одного из выживших были наручные часы, все постоянно спрашивали его, сколько времени уже прошло. До ближайшей точки с нашими укреплениями — часа три пешком шагом. Дойдя до леса, часть деревьев которого были поломанными, стволы и ветви в следах от пуль, мы вышли к реке, там и решили остановиться. В рюкзаках оставалось какое-никакое снаряжение. Развели костёр, вскипятили воду, попили, там и заночевали, дежуря по очереди. На следующий день Лёха придумал так называемый план-легенду, чтобы рассказать, каким образом мы спаслись, как до нашего лагеря добралась пехота, чтобы добить выживших, как они убили командира, а мы, дав отпор, отошли в тыл. Решение было принято: переждать в лесу ещё сутки, а потом двигаться в сторону ближайших позиций, но дрон нашёл нас раньше. Не только мы были ранеными и уставшими, весь лес был в ранениях, на полноценное укрытие под его поломанными ветвями и поредевшими кронами рассчитывать не приходилось. К счастью, дрон оказался нашим. Мы не сразу это поняли, уже было хотели открыть огонь на поражение, но тот как-то странно кружил, затем заваливался в сторону по направлению к нашим позициям. Держа дрон на прицеле, мы вышли из леса и последовали за ним. Таким образом и добрались до ближайших укреплений. Нам повезло, что мы шли за дроном, а не самостоятельно, иначе бы точно наткнулись на минное поле. В нескольких сотнях метров от нашего маршрута, в бинокль можно было заметить воткнутые в землю таблички, предупреждающие о минах. Летающий спаситель провёл нас через безопасный карман.

Навстречу нам выехало два бронетранспортёра. Нам оказали первую помощь, накормили, напоили. Лёха рассказал свою легенду, все подтвердили. Три дня мы провели в полевом госпитале, после чего нас должны были отправить на другое направление. Пополнение — так они это называли. Мне тогда казалось, что я уже смирился с тем, что война будет идти ещё долго, и выход есть только один — грузом двести, в лучшем случае триста. Но спустя несколько дней было объявлено долгожданное перемирие. Никто никого и никуда не отпускал. Конфликт мог разгореться с новой силой, достаточно было малейшей искры, чтобы произошла вспышка, а за ней и пожар. К счастью, мы были далеко от передовой. До линии соприкосновения более десяти километров. Периодически звучали выстрелы и взрывы, но они были где-то там — далеко, и такими редкими, что даже непривычно. Прошёл примерно ещё один месяц. Я написал письмо домой. Интернетом всё ещё запрещали пользоваться. Ответ пришёл

недели через две. Макс и мама были рады, узнав, что я жив, они ждали моего скорейшего возвращения. Я поддерживал с ними переписку. Ещё через пару месяцев нам разрешили звонить с общего телефона родным, но нечасто, один-два раза в месяц максимум. С мамой тогда я так и не поговорил, на звонки отвечал брат, рассказывал, что ей нездоровится. Я скидывал ему деньги на карту, чтобы они могли купить еду и лекарства. Помогать финансово — это всё, что я мог в моей ситуации. Через полгода закончился контракт, я не стал его продлевать и с кругленькой суммой на банковском счёте уехал на гражданку. Лёха проведя на фронте в общей сложности чуть более года, решил, что с него тоже хватит. В день демобилизации я обменялся с ним контактами, думая, что больше никогда не увижу ни его, ни всех тех, кто чудом выжил, прячась в том лесу.

Лишь вернувшись домой, я узнал, что все письма от своего лица и от лица мамы писал и присылал мне Макс. Были бы письма рукописными, а не печатными, я бы сразу всё понял по почерку. Её сердце всё-таки не выдержало, когда вестей от меня не было почти месяц. Поэтому он ни разу не дал мне с ней поговорить, ссылаясь на недомогание, сон или иную причину. Макс оказался гораздо взрослее, чем я думал, и, вероятно, умнее меня. Денег на полноценные похороны не было, брат мог всё мне рассказать, и я бы прислал больше денег, чем обычно, но Макс не хотел, чтобы я знал, пока находился на фронте. Он боялся, что подобное горе отберёт у меня всякую волю к жизни, и я непременно совершу глупость. Максим кремировал маму, прах стоял в урне в её комнате, через несколько дней мы развеяли его над морем. Прошло около месяца, я не вылезал из запоя. Макс пытался меня поддерживать, хотя это я должен был оказать ему поддержку. Брат принял на себя удар судьбы, когда у мамы случился сердечный приступ, брат принял решение её кремировать и не говорить мне, пока я не вернусь. Из нас двоих именно он вёл себя как взрослый, а я как эгоистичный дурак, отправившийся в окопы на запах денег. Максим думал, куда поступать, деньги на обучение были. К счастью, за всё это время ситуация на фронте улеглась, перемирие никто не нарушал. По новостям говорили, что в ближайшие месяцы планируют подписать окончательное мирное соглашение. Повестка Максиму не приходила, а на сайт государственных услуг я запретил ему заходить. Если за ним придут, буду его скрывать, прятать, дам взятку, сделаю что угодно, лишь бы его не забрали, — думал я и продолжал пить. В один из вечеров мой запой был прерван телефонным звонком. На дисплее было написано: «Лёха фронт».

Алексей Савченко был тем, кто спас меня от сумасшедшего командира, тем, кто вытащил меня из запоя, и тем... кто помог мне с работой. Лёха предложил переехать в Москву. В МВД нужны были люди с боевым опытом, набирали бывших фронтовиков, даже без профильного образования, таков был приказ по области. Тем же вечером я посоветовался с Максом. Мы приняли решение продать квартиру в Сочи, а с учётом кровавых денег на моём банковском счёте, нам хватило на то, чтобы купить две квартиры в Москве, пусть и в двух часах езды до Садового кольца. Обустроившись за пару месяцев, благодаря Лёхе я устроился следователем в полицию, а Макс поступил в столичный институт, хоть и не на бюджет, я был готов платить за его обучение, но брат и сам подрабатывал, не бездельничал после учёбы.

Война всё изменила. Я вернулся уже не тем человеком, которым уходил на фронт. Вина за смерть матери и за то, что оставил брата одного, долгие годы не отпускала меня. В первые месяцы на гражданке я не сошёл с ума только благодаря поддержке Макса и звонку от Лёхи. Переезжая в Москву, я думал, что начну новую жизнь. Большой город, деньги, возможности и связи — всё это должно было внушать оптимизм. Но почему-то радости не было. Создавалось такое впечатление, словно я умер на той войне. Умер, когда командир по одному расстреливал раненых... или когда хотел отправить выживших в мясной штурм... или когда вражеский дрон сбросил на нас снаряд. Странное ощущение не отпускало меня долгие месяцы, словно я уже живу не свою, а чью-то чужую жизнь. Словно мне несказанно повезло: я в столице, с квартирой, работой и деньгами, брат пристроен, а боевой товарищ готов помогать продвигаться по

карьерной лестнице. Хотел ли я всего этого? Копаясь в себе, ответить на свой вопрос так и не смог. Вина продолжала съедать меня изнутри, я говорил себе, что лучше бы умер я, а не мама, но при этом понимал, что и такой исход был бы эгоистичен по отношению к Максусу. Работая следователем, я долгие годы пытался вести и своё личное дело: копаясь в лабиринтах собственного сознания, ища ответы на вопросы, почему я уже не тот, и если я выжил, тогда почему так изменился?

Глава 3

Сочи, 2049 год. Сентябрь

Лидия сидела на полу, ставить ноги в позу лотоса она не хотела, это неудобно; к счастью, ученикам разрешали сидеть в любой удобной для них позе. Хоть и был сентябрь, в городе ещё стояла жара, четыре больших кондиционера, вмонтированные в потолок, спасали ситуацию. Сегодня всем выдали белые мантии, как им сказали, — это символ осознания, символ начала их пути к освобождению. Мантии надели на всех заранее, поверх обычной одежды, раздеваться не пришлось, заботливые старшие помогли своим ученикам облачиться в символическое одеяние, ведь последние ничего не видели. На глазах у девушки, как и на глазах остальных учеников, была повязка, Лида прислушивалась к каждому шороху, к каждому звуку. Некоторые ученики перешёптывались, кто-то чем-то шуршал; если вслушиваться, то можно было услышать неровное дыхание учеников по левую и правую руку.

Наконец-то старшие, как их тут называли, подошли к ученикам и сняли повязки с глаз. Это было то же самое помещение, что и двумя собраниями ранее. Лидия хорошо изучила это дело, она знала, что примерно каждые три собрания сектанты меняли локацию, скорее всего, в следующий раз ученики увидятся уже в новом месте. В секту просто так попасть нельзя. Существовало несколько способов: через связи, знакомых или же знаки, которые оставляют старшие. Лидию давно заинтересовало это дело, к моменту, когда ей дали материалы для ознакомления, у следственной группы уже было всё готово, им только оставалось выбрать человека для внедрения. Ей дали ознакомиться с материалами, намекая на то, что этим самым человеком может стать она. Выбирали всего из двух кандидатур: бывалый сорокалетний следователь из Новороссийска и она. В итоге пришли к мнению, что девушка будет вызывать меньше подозрений, тем более такая, как Лидия. У неё не было ничего и никого, кроме своей работы. Причину, по которой она якобы захотела вступить в секту, даже не нужно было придумывать. В следственной группе решили для убедительности использовать личную трагедию Лиды, изменив лишь причины этой самой трагедии, оставалось поменять документы, стереть активность в интернете и придумать новое имя — всё это не заняло много времени. Следственная группа нашла человека, через которого Лидия смогла внедриться в секту. План сработал, в личную трагедию девушки трудно было не поверить, ведь трагедия была настоящей. Разумеется, женщина из переписки не знала, кем была Лидия на самом деле. Екатерина Орлова значилась одной из так называемых «старших» в секте «освобождение» и набирала новых учеников, которым помогут осуществить выход. Старших было предостаточно, на этот раз им не требовались последователи. Несколько недель Лида вела переписку с Катей, в итоге убедив её в том, что является достойным кандидатом. Особенно помогли документы на трёхкомнатную квартиру в Сочи, которая, конечно же, формально не являлась собственностью Лиды, а была на неё переписана в рамках операции. Помог и банковский счёт на несколько миллионов. О том, чтобы продать квартиру или переписать её на кого-либо из членов секты, речи пока не шло, а вот пару миллионов в качестве пожертвования пришлось перевести на счёт некоего Дениса Авдеева. Он был правой рукой наставника и вёл собрания, но самого наставника пока так никто и не видел, не называли даже его имени. Именно ради этого и затевалась вся операция. Следственная группа запросто могла накрыть всю эту лавочку, но без поимки наставника это не имело значения. На предыдущих двух собраниях Лидия уже успела познакомиться с некоторыми учениками, никто из них не видел наставника, говорили, что даже не всем старшим дозволено было с ним общаться. В основном все общались с Денисом.

Изначально подход к ученикам был лояльным, всем дали понять, что они могут покинуть группу, после чего и дальше жить в неведении. Но тем, кто решатся дойти до последних встреч, а их всего должно быть десять, уйти будет нельзя. Задача старших к тому моменту

будет заключаться в том, чтобы помочь ученикам отбросить сомнения и сделать правильный выбор. Всё это проговаривалось на первых собраниях, когда все познакомились друг с другом. В этом сектанты не соврали, ведь когда с учеников сняли повязки, Лида обнаружила, что присутствуют далеко не все. Пока шли приготовления к лекции, Лида принялась считать людей, сидящих вокруг неё. Остался тридцать один человек, значит, девять покинули их. Девушка понимала, что за две встречи всех не запомнит, но нужно было донести информацию о тех, кто покинул собрания, следственной группе... хотя бы о тех, кого удалось запомнить. Им чётко дали понять, что если ученик пропустит хотя бы одно собрание, то доступ сюда ему будет закрыт. Да и попасть самостоятельно в подобное место не представлялось возможным. Собрания проводились внезапно, о них обычно предупреждали за один день, а иногда в день самого собрания. Должно быть, это тоже было своеобразной проверкой, готов ли человек. Всякого рода оправдания вроде работы или болезни, не действовали. Пропустил — значит, не достоин, значит, обречён дальше жить в неведении и продолжать мучиться — так объясняли старшие.

Успев познакомиться с некоторыми учениками, Лида узнала, что все без исключения вносили пожертвования, некоторые — сотни тысяч, но чаще это было несколько миллионов. Все ученики, у которых она интересовалась, не называли точные суммы, но рассказывали, что вносили пожертвования на счёт этому самому Денису. С его слов, деньги были нужны на то, чтобы продолжать вести просветительскую деятельность общества «Освобождение». Помещения, интерьеры, транспорт, питание, оборудование и многое другое — всё это стоило немалых денег.

В то утро, за три часа до собрания, с Лидой связалась её наставница и велела той ждать в двенадцать часов в условленном месте. В назначенное время приехал микроавтобус, Лида уже успела запомнить его номера и передать информацию следственной группе. Автомобиль был зарегистрирован на одного из старших в секте, это точно не наставник. Машина была зафиксирована на камерах в разных районах города, но проблема заключалась в том, что за пределами города камер почти не было, а слежка дронами — это не лучший вариант, была вероятность обнаружения сектантами, и тогда вся операция коту под хвост. Лида предлагала следственной группе вживить в себя жучок, но руководство опасалось, думая, что они проверяют и это, боялись спугнуть крупную рыбу. Приоритетной целью оставалась личность наставника, а не само местоположение базы сектантов, особенно учитывая то, что места они меняли с некоторой периодичностью. Как и в предыдущие два раза, после того, когда Лида села в машину, ей завязали глаза. Девушка успела увидеть несколько знакомых лиц наставников и других учеников с повязками на глазах. Лида понимала, что микроавтобус не вместит всех учеников, и, скорее всего, таких машин несколько. Но за ней приезжал один и тот же, вероятно, за определёнными учениками была закреплена одна и та же машина, которая и доставляла их до помещения.

Лида продолжала осматриваться, пытаясь запомнить каждую деталь в зале. Кто знает, какая мелочь может оказаться важной, за что можно будет зацепиться при составлении отчёта? Денис Авдеев пока так и не появился, и если не считать небольшую часть отсутствующих учеников, и белые мантии поверх обычной одежды, то всё в помещении выглядело, как и двумя собраниями ранее. Люди сидели на полу в ожидании начала мероприятия. Некоторые относились ко всему очень серьёзно, пытаясь принимать позу лотоса, но было заметно, как им неудобно, как болят их ноги. Старшие подходили, говорили, что можно расслабиться и сидеть как удобно. Лида пробежалась взглядом по залу и насчитала двенадцать старших: восемь мужчин и четыре женщины, включая наставницу Лиды — Екатерину Орлову. Все они, в отличие от учеников, с самого первого собрания были одеты в мантии, но не в белые, а в серебряные. Какого-либо оружия у старших Лида не замечала, это было логично, если оно и есть, то на третьем собрании слишком рано его применять, распугают всех сомневающихся. Тем более что на первых двух встречах были лишь формальные беседы и знакомство, это мало отличалось от клуба бывших наркоманов или алкоголиков, где каждый говорит, какой он ничтожный, какая

у него зависимость, какое горе он пережил и почему тут оказался. Пожалуй, основной отличительной чертой, так называемых учеников, являлось то, что большинство людей были весьма состоятельными, но не все, некоторые были среднего достатка. Лида понимала, что наличие денег у учеников было одним из основных пунктов при отборе в группу.

Все продолжали сидеть в ожидании Дениса, который вёл предыдущие два собрания, но тот так и не появлялся в зале, а ведь по ощущениям Лиды прошло не менее получаса с момента, когда с глаз учеников сняли повязки. Часов в помещении не было, а все телефоны, наручные часы и прочие гаджеты ученики сдавали при входе в помещение, разумеется, всё это возвращалось их владельцам, но только после окончания собрания. Некоторые уже стали интересоваться у старших, когда же появится Денис и начнётся обещанная лекция. Лида ещё раз окинула взглядом зал. Сложно было сказать, сколько там квадратов, но в нём могла бы запросто уместиться сотня человек таким образом, что места хватило бы каждому, чтобы растянуться на полу во весь рост. Никакой мебели не было ни для учеников, ни для старших. Пол устелен серым паркетом. В задней части зала две туалетные комнаты, разделённые на мужскую и женскую. Всё время ожидания обе комнаты пользовались спросом у учеников. Лидия уже успела сходить в уборную и вернуться. Она обратила внимание на закрытые плотными тёмно-красными шторами окна. Лида не первый раз задумывалась: что же там, за этими шторами? Вряд ли они на последнем этаже, ведь поднимались не на лифте, а пешком по ступенькам, Лида насчитала два лестничных пролёта. В случае чего можно выпрыгнуть из окна, должно быть, тут невысоко. Но куда потом? Камеры зафиксировали, как машина, на которой забирали Лиду, уезжала за черту города. Лидия была взволнована сильнее, чем в первые два раза, она предчувствовала, что это собрание будет отличаться от двух предыдущих. Но при всех своих опасениях девушка понимала: бегство — это не про неё. Она должна довести это дело до конца ради себя и следственной группы, которая ей это доверила, и, наконец, ради отца, по стопам которого пошла. Отец бы точно ей гордился.

Под потолком десятки светодиодных ламп освещали зал тусклым светом, в дополнение к ним по углам помещения расставлены ночники на тонких длинных ножках. Возле каждого ночника специальные чаши с отверстиями, в них воткнуты палочки с благовониями. Старшие, достав из коробки длинные охотничьи спички, принялись поджигать палочки. Приятный цветочный аромат быстро распространился по залу. Видимо, это был сигнал, и Денис скоро появится. Лида смотрела на сцену, которая была примерно на полметра выше уровня пола. На стене за сценой располагалась огромная телевизионная панель, на самой же сцене — ораторская тумба, на ней — бутылка минеральной воды.

Дверь в углу сцены отворилась, наконец-то показался Денис; как и прочие старшие, он был облачён в серебряную мантию. Лида видела его в третий раз, но благодаря следственной группе уже многое о нём знала. Денису было сорок восемь лет, из них пять лет он отсидел в колонии общего режима за мошенничество. Махинации с крупными суммами и создание финансовой пирамиды ни к чему хорошему его не привели. Прокурор хотел дать десять лет, но благодаря деньгам, связям и хорошему адвокату, срок удалось сократить вдвое. К секте присоединился ещё со времён Екатеринбурга. Пропагандирует идеи секты, ведёт собрания, уроки и лекции, очень хитёр. Вряд ли он сам верит во всё то, что рассказывает. Имеет несколько квартир в Краснодарском крае и Москве, два дома в Испании и Греции, а также четыре автомобиля, два из которых — это спорткары. Лидия размышляла обо всём этом, задаваясь вопросом: а знает ли наставник о подобных богатствах своего «подчинённого», о его обогащении за счёт пожертвований учеников... если, конечно, этот наставник вообще существует? Лида предлагала следственной группе просто прижать Дениса и силой выбить из него информацию о руководителе секты и его местонахождении. Но начальство было против, по делу в качестве пострадавшей стороны был замешан сам губернатор, начальство распорядилось, чтобы всё шло своим чередом. Наставника нужно было вязать, когда он сам объявится, когда будут прямые

доказательства причастности. У Лиды был свой взгляд на решение этого дела, но спорить с руководством она не любила, поскольку понимала, что это гиблое дело.

Уже немолодой человек, подойдя к ораторской тумбе, вытянул вперёд две руки, как бы показывая этим жестом, что он обнимает всех присутствующих. Старшие и ученики сделали точно такой же жест в сторону Дениса. Это было приветствие.

— Здравствуйте, — начал Денис. — Пусть осознанность вашего разума затмит всякие сомнения.

Несколько минут Денис рассуждал на разные темы, казалось бы, не имеющие ничего общего с тем, что должно было происходить. Он неустанно приветствовал собравшихся, затем сожалел о том, что часть учеников решили покинуть их, сказал, что жизнь в неведении — это их выбор. Лида смотрела на этого человека и понимала, что даже если бы она не была внедрённым агентом, вряд ли бы поверила Денису. Лидия не могла понять, как люди могут быть такими глупыми, чтобы ему верить, пусть даже он манипулирует личной трагедией каждого. Чаще всего это смерть родственников, смерть близких людей. Но весь его внешний вид не вызывал доверия. Это был волк в овечьей шкуре, но для Лидии было очевидно: шкура ему так мала, что не могла скрыть волчьи лапы, хвост и жадную, голодную до чужих денег морду. Денис старался улыбаться, и Лидия замечала, как улыбка не без усилий натягивается на его гладковыбритое лицо, а глаза бегают по залу, чтобы не останавливаться на ком-то конкретном, словно если он это сделает, то во взгляде сразу же можно будет прочесть ложь. Большая мерзкая родинка над правой бровью, больше походившая на папиллому, мозолила глаза, словно специально отвлекая внимание на себя. Когда Денис разговаривал, то старался это делать спокойно, размеренно, не спеша, на его лбу проступали морщины, а тёмные, местами поседевшие волосы были заплетены в одну большую косу. Его никто не перебивал, здесь это не приветствовалось. С первых двух собраний все знали, что вопросы могут задать после окончания лекции лично Денису или старшим. Наконец-то Лидия услышала нужные слова. Денис плавно подводил свою речь к нужной теме.

— Каждого из нас привела сюда личная трагедия. Горе, жить с которым невыносимо. Каждый из вас поделился своей проблемой на предыдущих собраниях. И все мы, я и ваши личные наставники — старшие, мы точно такие же, несущие на себе бремя. Но разница между нами в том, что мы осознали, мы готовы в любой момент сделать выход, а вам всё только предстоит. Наша задача заключается в том, чтобы помочь таким людям, как вы, помочь осознать, кто вы такие и почему тут оказались, помочь вас направить. Но если вы сами не готовы будете сделать первые шаги к осознанию, к собственному освобождению, то и мы будем бессильны.

Денис выдержал небольшую паузу, взял с ораторской тумбы бутылку с минеральной водой, сделав несколько глотков, голосовой командой активировал телевизионную панель позади себя и отошёл в сторону. На экране начали появляться картинки разных небесных тел: планеты и звезды медленно сменялись туманностями и галактиками.

— Задумывались ли вы, сколько раз в своей жизни умирали? Сколько раз с вами мог бы произойти несчастный случай, но беда вас миновала? Уверены ли вы были, что в подобных ситуациях беда вас действительно миновала, и вы выжили? Я думаю, что некоторые из сидящих здесь учеников слышали о теории квантового бессмертия, когда при любом несчастном случае, если вы умираете, происходит мгновенный перенос вашего сознания в параллельную линию вашего существования. Посмотрите на все эти изображения на экране. Много лет учёные нам говорили о безграничном космосе, о множественных вселенных, квантовой теории и гипотетическом переносе сознания. Но правда, которую мы хотим до вас донести, она куда проще и куда печальнее, чем может вам показаться. Нужно мужество для того, чтобы осознать, чем является наш мир на самом деле, почему кто-то обречён мучиться и страдать, как мы с вами, а кто-то живёт в комфорте и счастье.

Лида заметила, как некоторые ученики начали переглядываться друг с другом, кто-то из них смотрел на старших, те одобрительно им кивали. Нечто подобное уже было на первых двух собраниях, но тогда Денис ходил вокруг да около, не затрагивая основную тему.

— Кто мне может ответить на вопрос: почему вы страдаете? — обратился Денис к залу.

В ответ он получил лишь ожидаемую тишину. Разумеется, никто так с ходу не мог ответить на такой глобальный вопрос.

— Друзья мои, я не требую от вас верного ответа, я хочу услышать лишь ваши идеи, предположения. Не переживайте, за неправильные версии двойку в журнал вам никто не поставит. Вот вы, Александра, как вы думаете?

Взгляд Дениса остановился на Лидии.

— Александра?

Лида никак не могла привыкнуть к вымышленному имени, но быстро поняла, что Денис обращается именно к ней. Нужно было срочно что-то придумать. Если дать ответ, который она и так знает из материалов дела, тогда Денис может её в чём-то заподозрить. Следовало не давать точного ответа, а просто порассуждать. Лида негодовала, почему из всех этих людей Денис решил задать вопрос именно ей?!

— Я даже и не знаю, что ответить, — начала она. — Наверное, люди просто обречены страдать, мы несовершенны, допускаем в жизни много ошибок, совершаем глупости, мы жестокие и циничные.

— Стоп, стоп, стоп, — остановил её Денис. — Александра правильно начала, но потом попыталась найти причину в самих нас, в том, что мы сами виноваты в своих страданиях. И это главная ошибка тех, кто не может проснуться, не может осознать. А знаете ли вы, Александра, почему из всех здесь сидящих, я решил задать этот вопрос именно вам?

Лиду бросило в мелкую дрожь. Неужели Денис узнал, кто она такая на самом деле? Неужели она где-то прокололась?! В голове промелькнула мысль: может быть, всё намного проще, может, она просто понравилась ему внешне, как женщина? Лида уставилась на Дениса, быстро перебирая версии в своей голове, пытаясь найти подходящий ответ или оправдание. Она не понимала, что он имел в виду... или всё-таки он всё знал?

— Я вижу, что Александра в замешательстве. — Денис прервал неловкое молчание. — Ничего страшного. Я объясню. Просто в глазах Саши я вижу подозрение, неуверенность, скептицизм — и этого в её взгляде больше, чем у других. Сомнения — это то, что будет вас останавливать на пути к освобождению. И наша задача заключается в том, чтобы развеять ваши сомнения, после этого придёт осознание, после осознания — принятие, после принятия последует освобождение от страданий. В самом начале пути сложно справиться со всем этим самостоятельно, поэтому мы приготовили напиток, который расслабит вас и направит. С ним будет проще избавиться от иллюзий и принять настоящий мир.

Трое старших, до этого стоявшие за спинами учеников, принялись ходить по залу с подносами, на которых в гранёных стаканах был какой-то красный напиток. Они так его и называли — «напиток». Денис сказал, что выпить нужно всем. Некоторые задавали вопросы, что это такое, но не получали однозначного ответа. Нашлись трое, кто отказался пить. Тогда Денис сказал, что это обязательно и без напитка они не смогут продолжить дальнейшее обучение. Таким образом, одного из сомневающихся удалось переубедить. С двумя другими учениками ушёл старший для того, чтобы отвезти тех в город. На этом их обучение было закончено.

Лида сомневалась, но при этом прекрасно понимала, что иного выбора у неё не было. Она посреди зала вместе с другими учениками, вылить напиток некуда, за ними следят. Если она откажется, то всё будет окончено. Операция провалится. Девушка держала в руке гранёный стакан, наполненный светло-красной жидкостью. Некоторые из учеников уже выпили залпом так называемый напиток. Лида понимала, что с каждой секундой она может вызывать всё больше подозрений. Нужно было действовать. Она запрокинула голову и за несколько крупных

глотков буквально влила в себя содержимое стакана. Вкус оказался приятным, сладко-горьким, напоминал вкус алычи, словно это компот из фруктов, в который что-то добавили, послевкусие было с горчинкой. Когда оставшиеся ученики допили свои порции, Денис продолжил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.